

Селиверстова Наталья Матвеевна

ДВОРЯНСТВО И ЧИНОВНИЧЕСТВО НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД РЕФОРМ 60-70-Х ГГ. XIX В.: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются различные аспекты взаимоотношений дворянства как высшего сословия Российской империи и чиновничества в период подготовки крестьянской реформы и в пореформенный период. Автор анализирует их положение в социальной структуре российского общества середины XIX века, их место в политической системе самодержавия, особенности восприятия бюрократии помещным дворянством, затрагивает проблему самоидентификации служилого дворянства. Кроме этого, в статье представлены существовавшие в общественной мысли эпохи основные точки зрения на истоки, динамику, особенности взаимоотношений дворянства и чиновничества и перспективы их развития.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/11-2/38.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 156-161. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Афонсин Е. В.** Античный гностицизм и его критики: собрание античных свидетельств о гносисе и исследование христианского платонизма и гностицизма первых веков по Р. Х.: дисс. ... докт. филос. наук. СПб., 2002. 328 с.
2. **Болотов В. В.** Лекции по истории древней Церкви. Киев: Изд-во им. свт. Льва, папы Римского, 2007. Т. 2. 474 с.
3. **Бородай Т. Ю.** Критика гностицизма у Плотина // Вопросы философии. 2000. № 10. С. 128-154.
4. **Бычков В. В.** Неформализуемый гносис Оригена // Социальная философия и философская антропология: труды и исследования. М., 1995. С. 103-126.
5. **Гарнак А.** История догматов // Раннее христианство. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. Т. 2. С. 87-508.
6. **Йонас Г.** Гностицизм (гностицистическая религия). СПб.: Лань, 1998. 384 с.
7. **Оренбург М. Ю.** Гностицистический миф: реконструкция и интерпретация. М., 2011. 184 с.
8. **Плотников В. В.** История христианского просвещения в его отношениях к древней греко-римской образованности: от начала христианства до Константина Великого. Изд. 2-е, испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 274 с.
9. **Свенцицкая И. С.** Раннее христианство: страницы истории. М.: Политиздат, 1989. 335 с.
10. **Цуркан А. В.** Ориген: проблема взаимодействия религии и философии. Новосибирск: НГУ, 2002. 144 с.
11. **Brakke D.** The Gnostics: Myth, Ritual, and Diversity in Early Christianity. Harvard University Press, 2010. 164 p.
12. **Choufrine A.** Gnosis, Theophany, Theosis: Studies in Clement of Alexandria's Appropriation of his Background. N. Y., 2002. 230 p.
13. **King K.** What is Gnosticism? The Belknap Press of Harvard University Press, 2005. 368 p.
14. **Pearson B. A.** Gnosticism and Christianity in Roman and Coptic Egypt. N. Y., 2004. 320 p.
15. **Rudolph K.** Die Gnosis. Wesen und Geschichte einer spätantiken Religion. Leipzig, 1977.
16. **Smith M.** The History of the Term "Gnostikos" // The Rediscovery of Gnosticism: Proceedings of the International Conference on Gnosticism at Yale. New Haven, Connecticut, 1978.

GNOSTICISM INFLUENCE ON PHILOSOPHICAL THOUGHT FORMATION IN BYZANTIUM

Pavel Sergeevich Revko-Linardato, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy
Technological Institute
South Federal University in Taganrog
 pareli@mail.ru

The author considers the role of gnostic doctrines in the processes of Byzantine philosophy formation and development, shows that the phenomenon of Gnosticism was simultaneously the result and source of complex and contradictory interaction between Hellenistic, Jewish, and Christian traditions, and pays special attention to the consideration of the influence of Gnosticism, as the major factor of spiritual and social-cultural life of the first centuries of our era, on the development of early Christian philosophical systems of Clement of Alexandria and Origen.

Key words and phrases: Byzantine philosophy; theology; Gnosticism; gnosis; Christianity; apologetics; Clement of Alexandria; Origen.

УДК 94(47).081

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются различные аспекты взаимоотношений дворянства как высшего сословия Российской империи и чиновничества в период подготовки крестьянской реформы и в пореформенный период. Автор анализирует их положение в социальной структуре российского общества середины XIX века, их место в политической системе самодержавия, особенности восприятия бюрократии помещичьим дворянством, затрагивает проблему самоидентификации служилого дворянства. Кроме этого, в статье представлены существовавшие в общественной мысли эпохи основные точки зрения на истоки, динамику, особенности взаимоотношений дворянства и чиновничества и перспективы их развития.

Ключевые слова и фразы: дворянство; чиновничество; просвещенная бюрократия; помещичье дворянство; личное дворянство; крестьянская реформа 1861 года; сословие; самодержавие.

Наталья Матвеевна Селиверстова, к.и.н., доцент

Кафедра истории и политологии

Российский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева

nseilverstova@mail.ru

**ДВОРЯНСТВО И ЧИНОВНИЧЕСТВО НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД РЕФОРМ 60-70-Х ГГ. XIX В.:
 ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ[©]**

Вопрос о том, как выстраивалась система взаимоотношений высшего сословия Российской империи и чиновничества, заслуживает серьезного внимания, особенно если рассматривать его в контексте изучения

предпосылок и социальной базы реформ 60-70-х годов XIX века. В современной историографии, как отечественной, так и англоязычной, приоритетная роль в подготовке и осуществлении реформ отводится просвещенной (либеральной) бюрократии. Значительную роль в изучении этого социального феномена сыграли американские историки, ученики и последователи П. А. Зайончковского, прежде всего Б. Линкольн, Р. Уортман. Б. Линкольн всесторонне изучал социальный феномен «просвещенной бюрократии» середины XIX в. и пришел к выводу о том, что именно в этой среде вызревали идеи модернизации России. Но, посвятив себя обновлению и преобразованию Российской империи, просвещенные бюрократы оставались преданными слугами своего самодержавного господина [20, р. 167]. Превыше всего они ставили государственные интересы, к которым, однако, не относилась безусловная поддержка экономических позиций дворянства как высшего служилого сословия [Ibidem, р. 175]. При этом исследователь считал просвещенную бюрократию в России «явлением уникальным, исторически преходящим: эта группа сформировалась в 1840-е и фактически сошла со сцены к моменту убийства Александра II» [1, с. 126].

Основными центрами, в рамках которых устанавливались дружественные контакты между людьми сходных взглядов и убеждений, чиновниками и представителями образованного общества, были петербургские и московские кружки 40-50-х годов XIX века и, прежде всего, кружок братьев Н. А. и Д. А. Милютиных. Позже роль таких центров, формирующих среду просвещенной бюрократии, начинает играть Императорское Русское Географическое общество, кружок великой княгини Елены Павловны и Морское министерство, возглавляемое великим князем Константином Николаевичем.

В своей деятельности эта группа чиновников предпочитала опираться только на те элементы образованного общества, которым могла доверять в полной мере. Поместному дворянству как заинтересованной стороне в предстоящей реформе просвещенные бюрократы имели веские основания не доверять. Брюс Линкольн не оставил в стороне тех связей, которые существовали между либеральным дворянством, рассматриваемым им в качестве социальной опоры реформ, и просвещенной бюрократией, поскольку именно поддержка реформ либерально настроенным дворянством как в столице, так и в губерниях Российской империи помогла их преворению из законопроектов в жизнь. Однако существовавшее в среде просвещенной бюрократии негативное отношение к участию высшего сословия в подготовке реформ оттолкнуло от них ту часть дворянства, которая, проявляя чувство политической ответственности, стремилась к преобразованию России.

В социальной структуре российского дореформенного общества дворянство занимало исключительно привилегированное положение, которое было закреплено законом [14, с. 1-56]. Его основной, исторически обусловленной почетной обязанностью, а после Манифеста о вольности дворянства уже не повинностью, считалась государственная служба, военная или гражданская.

Высшее сословие не было однородным, в нем присутствовали различные социальные группы, в том числе закрепленные в законодательстве. В зависимости от способа приобретения дворянства выделялось шесть разрядов: 1) дворянство жалованное или действительное; 2) дворянство военное; 3) дворянство, полученное путем выслуги определенного чина на гражданской службе или в результате награждения российским орденом; 4) иностранные дворянские роды; 5) титулованное дворянство; 6) древние, благородные роды [Там же, с. 4]. Правительство осуществляло постоянный контроль за пополнением рядов высшего сословия, препятствуя его приращению за счет «недостойных» и постоянно повышало чин, дававший право на получение потомственного дворянства на государственной службе. С 1856 года на гражданской службе это право давал лишь чин действительного статского советника (IV класс) [Там же, с. 5]. Тем не менее, в глазах высшего света еще во второй половине XIX в. достоинством высшей пробы была исключительно древность дворянского рода. Те же, кто выслужил принадлежность к первенствующему сословию по «Табели о рангах», не могли считаться дворянами в подлинном смысле слова [10, с. 32-33].

Дворянство как господствующее сословие всегда доминировало в составе бюрократического аппарата государства. На гражданской службе состояло потомственное и личное дворянство. Среди потомственного дворянства гражданская служба была гораздо менее популярна, чем военная. Чаще всего представители этой части высшего сословия переходили на гражданскую службу, имея уже более или менее высокий военный чин. Реже выходцы из потомственных дворянских семей начинали работать в государственных учреждениях по окончании университетов и других учебных заведений. И в том, и в другом случае они, как правило, не начинали свою гражданскую карьеру с низших чинов и тем более в качестве канцелярских служителей, разве что вынужденные к этому крайней стесненностью в средствах.

Личные дворяне были, как правило, детьми чиновников и составляли потомственную чиновничью касту во втором, а в некоторых случаях и в третьем поколении [5, с. 28]. Они начинали службу с низших ступеней, и составляли подавляющее число тех, кто замещал должности среднего звена управленческого аппарата.

Усложнение и количественный рост бюрократического аппарата в первой половине XIX века открывали новые должностные вакансии, усиливали потребность в новых кадрах государственных служащих. Так, за 11 лет (1847-1857 гг.) численность чиновников увеличилась почти на 50% [Там же, с. 67].

В государственных учреждениях, особенно губернского уровня, существовал огромный дефицит образованных дворянских кадров. И если «Положение о порядке производства в чины по Гражданской службе» от 1834 года предоставляло преимущества в прохождении государственной службы лицам, имеющим образование, одновременно существовали многочисленные льготы дворянам, не имевшим оно. Причем для дворян устанавливались также значительные преимущества при получении первого классного чина [13, с. 659-661].

В то же время на протяжении XIX в. постепенно происходит сокращение числа как потомственных, так и личных дворян в составе бюрократического аппарата. Но не только количеством определялась роль

представителей высшего сословия среди служащих. Дворянство, и особенно потомственное, занимало ключевые должности в государственной системе управления. Родственные связи, которыми весьма дорожили в дворянской среде, помогали успешной карьере. В то же время, зависимость от службы у представителей потомственного дворянства не была всеобъемлющей, поскольку всегда оставалась возможность уйти в отставку, не испытывая зависимости от чиновничьего жалования, а иногда и продолжить службу в лоне дворянской корпорации. Сознание принадлежности к высшему сословию для потомственного дворянина в подавляющем числе случаев имело первенствующее значение, даже когда он вступал на стезю государственной службы.

Как же соотносилось дворянское сословие с социальной категорией чиновничества? Следуя сложившейся традиции, под «чиновничеством» мы подразумеваем как собственно чиновников, то есть лиц, имеющих классный чин и состоящих на государственной службе, так и канцелярских служащих [5, с. 4]. При этом служилое дворянство и чиновничество оказываются взаимопроникающими категориями. Таким образом, на личностном уровне вопрос самоидентификации дворянина и чиновника мог зависеть от множества факторов, экономических, культурных, социально-психологических и т.д. В каждом конкретном случае то, кем в большей степени осознавал себя человек, определяло его социальную роль.

Само чиновничество не было однородным. Высшее чиновничество, включая столичных сановников, очень сильно отличалось от мелких и средних государственных служащих по своему имущественному положению, укладу жизни, самосознанию. Пожалуй, главное, что их объединяло, – преданность чину. Поскольку существовала возможность получения дворянства на гражданской службе почти автоматически, самой выслугой лет, в чиновной среде популярной была мысль о том, что чин дает известную независимость от начальства. А все обладатели оного равно становились государевыми слугами, просто выполняющими разные обязанности. Среди чиновников первых четырех классов процент представителей потомственного дворянства был достаточно высок, приближаясь к 100%, тем более что присвоение этих чинов лично контролировалось императором [6, с. 173].

В составе мелкого и среднего чиновничества представители высшего сословия в предреформенный период составляли незначительную часть. Как правило, это были мелкопоместные потомственные и личные дворяне, тех, кого можно назвать потомственными чиновниками. Последние составляли в чиновничестве довольно большую группу, около 25% [5, с. 28]. Те, кто становился потомственным дворянином на государственной службе, стремился по мере своих финансовых возможностей как можно скорее упрочить свое положение и обзавестись недвижимостью, а подчас и «населенной собственностью». В своих знаменитых записках маркиз де Кюстин говорит о «новоиспеченных помещиках», «которых должность и положение возвели в чин, доставляющий земельную собственность», и которые «свои феодальные права... осуществляют с такой суровостью, что вызывают к себе ненависть злосчастных крестьян» [11, с. 272].

Дворянство, отстаивая свою идентичность в качестве высшего сословия империи, всегда дистанцировалось от чиновничества, постоянно обвиняя его в различных грехах: продажности, хитрости, корысти, лести. Поток критики нарастал по мере бюрократизации государственного аппарата и достиг подлинного накала в период подготовки отмены крепостного права, когда поместное дворянство начинает осознавать, что судьба будущей крестьянской реформы находится в руках представителей правительственных канцелярий. Как высказался в письме с резкой критикой действий Редакционных комиссий в адрес В. А. Долгорукова неустановленный автор (предположительно М. П. Позен): «Неужели же можно допустить такую дикую мысль, что реформа может быть проведена без участия дворянства?» [2, д. 86, л. 3 об.].

Неслучайно еще летом 1858 года в разгар подготовки отмены крепостного права стали распространяться слухи о том, что правительство уже окончательно решило вопрос о деталях и сути предстоящего освобождения крестьян, «и что за тем постановления Губернских Комитетов, касательно развития главных начал устройства крестьянского быта, указанных в высочайших рескриптах, составляют труд излишний» [18, д. 2, л. 125 об.].

Во время работы Редакционных комиссий правительство дважды вызывало в Петербург дворянских депутатов от губерний в качестве экспертов. На этой стадии подготовки реформы происходит столкновение позиций либеральной бюрократии и значительной части поместного дворянства в определении пути преобразований и своей роли в них. И консервативное и либеральное поместное дворянство выступало за сохранение и упрочение позиций высшего сословия в государстве и обществе. При этом сторонники реформ считали, что «освобождение крестьян, произведенное самими дворянами, возвысит их в глазах народа и поставит... во главу действительного прогрессивного движения вперед, путь к которому указывало правительство» [16, с. 122]. Острую реакцию дворянских депутатов вызвал вопрос об административном устройстве пореформенной деревни.

Так, А. М. Унковский, получивший приглашение в качестве депутата от Тверской губернии, резко расходился с членами Редакционных комиссий по вопросу о будущей роли дворянства в местном управлении и степени участия бюрократии. Он считал опасным усиление бюрократического всевластия и настаивал на том, что именно на дворянство должна быть возложена ответственность за решение местных вопросов после освобождения крестьян и отмены вотчинной власти помещиков над ними [3, с. 233]. И, конечно, эта его точка зрения не встретила поддержки в среде правительственной администрации.

В Московском губернском комитете по подготовке крестьянской реформы существовало своё условно называемое «либеральное» меньшинство, активным членом которого был мелкопоместный дворянин Д. А. Ровинский, впоследствии ставший московским губернским прокурором. В его бумагах содержится документ, в котором защищаются гражданские свободы и ценности, одновременно направленный против гримас бюрократической действительности. В нем выражались опасения, что новые присутственные учреждения

после реформы только осложняют жизнь крестьян, если не будут изменены сами принципы, на которых построено местное самоуправление. «Мы долгом сочли высказать наше мнение, что помещичьим крестьянам, получающим на бумаге гражданственность, не пришлось бы на деле потерять последнюю защиту в лице помещика, и попасть в когти старых станowych и новых судей, которые, при прежнем порядке вещей, т.е. при бессловесности судопроизводства и при его безгласности, при лакейской зависимости подчиненного от своего начальника и при совершенном неуважении закона, - конечно не будут лучше старых. При таком порядке дел только можно ожидать самой горькой безотрадной нищеты для освобожденных крестьян» [18, д. 31, л. 10 - 10 об.].

К моменту опубликования Манифеста и Положений 19 февраля 1861 года стало очевидным, что помещичье дворянство, в своей массе не оправдало надежд правительства на активную поддержку в подготовке крестьянской реформы. В свою очередь, значительная часть высшего сословия оказалась недовольна как содержанием, так и способом выработки основ предстоящих преобразований. Самодержавное государство предпочло опереться на собственные силы в решающий момент системных реформ, не доверяя даже благородному сословию, для которого его служилое предназначение все еще оставалось основой самоидентификации.

Проблема «дворянство и бюрократия» в предреформенный период поднималась в выступлениях представителей аристократической элиты, анализ позиций и взглядов которой был предпринят отечественным исследователем М. Д. Долбиловым. Чаще всего бюрократия рассматривалась т.н. «олигархами» как исторический враг, издавна и расчетливо ведущий против благородного сословия подрывную кампанию [4, с. 45]. Что любопытно, сами аристократы затруднялись назвать признаки, по которым можно было бы отделить чиновничество от дворянства, помимо морально-этических характеристик. Так, крупнейший землевладелец граф В. П. Орлов-Давыдов признавался, что «одно звание отделяется от другого в лицах, смотря по тому, насколько одно из двух понятий преобладает над другим... Дворянин носит чин как платье, а у чиновника... чин прирастает к самому телу» [Там же, с. 46].

В это время, когда крепостное право пало, но реформы еще продолжались, противостояние просвещенной бюрократии и дворянства достигло невиданного накала. Об этом ярко, но весьма тенденциозно писал в своих мемуарах граф С. Д. Шереметев: «“Крепостники!” - кричали гады Мраморного и иных дворцов и канцелярий, возбуждая печать против служилого сословия. “Опричники” - послышалось в ответ из дома Российского благородного собрания» [12, с. 337].

Сильнейшее недовольство действиями бюрократии объединило различные по своим политическим пристрастиям группы дворянства. Все они желали усиления влияния высшего сословия в местном самоуправлении, основанном на новых земских началах, а некоторые доходили до конституционных мечтаний.

Дабы сгладить ситуацию и урезонить особенно рьяных оппонентов власти, на злободневную тему высказался «оракул» общественного мнения, перешедший на охранительные позиции, публицист М. Н. Катков. Он писал: «Бюрократия есть необходимый элемент государственного устройства... Все хорошо на своем месте... Исключительное господство бюрократии само становится источником всевозможных неправильностей, которые губят общественные основы и подвергают опасности государство» [8, с. 270]. Он убеждал читателей в том, что как бюрократия, так и дворянство, а также представители самых разных сословий на общественной службе, например, в выборной должности мирового судьи, могут равно считаться государевыми слугами. При этом любой администратор получает власть не для того, чтобы демонстрировать её перед мирными гражданами, а охранять их интересы от врагов государства и общества, таких, как нигилисты [Там же, с. 276].

Один из наиболее авторитетных и ярких общественных деятелей той эпохи, К. Д. Кавелин, уже в 1862 году, после отмены крепостного права, признавал, что мысль об этой реформе и её инициатива принадлежали правительству, которое действовало вопреки желаниям большей части дворянства. Но воплощение в жизнь этой реформы вверено мировым посредникам, большую часть которых составляют помещики, а в губернских присутствиях «на три коронных чиновника заседают пятеро дворян; да и самые чиновники – кто они, большею частью, как не дворяне?» [7, с. 147]. К. Д. Кавелин призывал дворянство, не увлекаясь бесплотными мечтами о представительном правлении, активно включиться в работу новых органов местного самоуправления, в этом он видел залог будущего обновления высшего сословия.

Анонимный автор брошюры «Слияние сословий или дворянство, другие состояния и земство», изданной в 1870 году, излагал свою точку зрения на историю происхождения дворянства и чиновничества. Он считал, что неверно вести происхождение российского дворянства только лишь от служилого сословия. Автор брошюры разделяет земское и служилое дворянство. Земское дворянство произошло, по его мнению, от земского боярства. Эта часть дворянства более самостоятельна и независима, по сравнению со служилым дворянством. «Первое имеет главным своим обеспечением землевладение, привязывающее его крепкими узами к отечеству; последнее, более космополитическое, обеспечено казенным содержанием; значение его – в должностях и оно связано дисциплинарностью. Состав первого слабеет, а последнего усиливается искателями мест с жалованием» [15, с. 34]. «Служилый класс развился в бюрократию, которая выделила наконец из среды себя либеральное чиновничество» [Там же, с. 33]. Земское дворянство тесно связано с сельским хозяйством и экономическим благосостоянием государства. В той мере, в какой слабеет земское дворянство, усиливается бюрократия. Автор делает вывод о том, что «лишь уравновешивая обе эти силы, можно устранить преобладание одной над другой, вредное для государства» [Там же, с. 34].

В пореформенной полемике об исторических судьбах дворянства свой голос поднял крупнейший теоретик российского либерализма Б. Н. Чичерин. Он подчеркивал, что дворянство имеет в России государственное значение. Начав свой путь от княжеской дружины, оно сложилось в сословие военное и землевладельческое.

По мере становления государства к нему присоединилось дворянство, возникшее из государственной службы. Затем гражданское и военное дворянство соединились в одно потомственное сословие, которое службой приобрело свое политическое значение. В то же время земельная собственность, дополненная крепостным правом, давала высшему сословию основу материального благосостояния [9, с. 403]. Таким образом, основатель государственной школы в русской исторической науке Б. Н. Чичерин в своем социо-генетическом эссе не противопоставлял земледельческое и служилое дворянство. В то же время он обличал зло, происходящее от бюрократии, необходимой государству, но при этом подавляющей частную инициативу. «Бюрократия может дать сведущих людей и хорошие орудия власти; но в этой узкой среде, где неизбежно господствуют формализм и рутина, редко развивается истинно государственный смысл... Новые силы и новые орудия, необходимые для обновления государственного строя, правительство может найти лишь в глубине общества» [19, с. 39]. Выход из сложившейся ситуации он видел в развитии выборного начала как на местном, так в дальнейшем и на общегосударственном уровне.

Чиновничий аппарат, как известно, являлся инструментом реализации самодержавной власти. Эта власть в России середины XIX века выражала интересы высшего сословия, но не только. Организующая функция государства вынуждала власть искать пусть неравноценный, но необходимый баланс интересов различных слоев общества. Кроме того, само дворянство было далеко не однородным по своему составу, и то, что было необходимым для сословия в целом, не всегда совпадало с интересами его отдельных групп. Сформировавшись как «служилое» сословие, российское дворянство с течением времени все больше отдалялось от своего первоначального назначения. Бюрократический аппарат, костяк которого составляли чиновники-профессионалы, отныне являлся непосредственным исполнителем «воли Императора». Возникавшие трения между дворянством и чиновничеством в целом – это свидетельство некоторого конфликта интересов между новыми и старыми «слугами государевыми». Помимо этого, дворянство в пореформенный период продолжало считать себя основой, становым хребтом российского общества, и в этом качестве оппонировало бюрократии, представлявшей государство. В то же время следует отметить весьма условный характер этого «противостояния». Высшие государственные сановники, находящиеся на вершине бюрократической иерархии, одновременно представляли собой сословную придворную элиту. На местном уровне верхушка губернской администрации в соответствии с действующим законодательством включала в свои ряды главу дворянского губернского корпоративного общества. Кроме того, в до-реформенный период часть должностей местной администрации замещалась по выборам от дворянства. Во второй половине XIX в. роль высшего сословия в местном самоуправлении также оставалась весьма значительной.

Потомственное и особенно личное дворянство функционально хоть и в меньшей степени, но все еще продолжало играть роль «служилого» сословия даже после реформ середины XIX века. И в той мере, в которой его представители участвовали в процессе государственного управления на различных уровнях, перед лицом Высочайшей власти сближались позиции дворянина, носящего чиновничий мундир в силу жизненных обстоятельств и бюрократа-разночинца, сделавшего карьеру и ставшего дворянином на государственной службе.

Но для тех из них, кто не мог или не хотел более видеть все высшее сословие Российской империи реализующим преимущественно свое «служилое» предназначение, вне зависимости от их политических взглядов и пристрастий, будущее сословия представлялось в расширении участия дворянства в самоорганизации и самоуправлении российского общества.

Список литературы

1. **Большакова О. В.** Власть и политика в России XIX - начала XX века: американская историография. М.: Наука, 2008. 262 с.
2. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).** Ф. 945. Оп. 1.
3. **Джаншиев Г. А.** Эпоха великих реформ. М.: Территория будущего, 2008. Т. 1. 480 с.
4. **Долбилов М. Д.** Сословная программа дворянских «олигархов» в 1850-1860-х гг. // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 32-52.
5. **Зайончковский П. А.** Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М.: Мысль, 1978. 288 с.
6. **Иванова Н. А., Желтова В. П.** Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.
7. **Кавелин К. Д.** Наш умственный строй. М.: Правда, 1989. 654 с.
8. **Катков М. Н.** Собрание сочинений: в 6-ти т. СПб.: Росток, 2011. Т. 2. Русский консерватизм: государственная публицистика. Деятели России. 896 с.
9. **Киреева Р. А.** Государственная школа: историческая концепция К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина. М.: ОГИ, 2004. 512 с.
10. **Корелин А. П.** Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. М., 1979. 304 с.
11. **Кюстин А. де.** Россия в 1839 году: в 2-х т. М.: Терра, 2000. Т. 2. 592 с.
12. **Мемуары графа С. Д. Шереметева.** М.: Индрик, 2004. Т. 1. 736 с.
13. **Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).** СПб., 1830. Собрание II. Т. IX. № 7224.
14. **Свод законов Российской империи (СЗРИ).** СПб., 1857. Т. IX.
15. **Слияние сословий или дворянство, другие состояния и земство:** ответ гг. Аксакову, Кошелеву и кн. Васильчикову. СПб.: Типография А. К. Киркора, 1870. 164 с.
16. **Соловьев Я. А.** Записки о крестьянском деле // Русская старина. 1882. № 4. С. 105-154.
17. **Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ).** Ф. 362. Оп. 1.
18. **ЦИАМ.** Ф. 1650. Оп. 1.
19. **Чичерин Б. Н.** Собственность и государство. М.: Типография П. П. Брискорн, на Тверской улице, дом Локотниковой, 1883. Т. 2. 459 с.
20. **Lincoln B. W.** In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825-1861. DeKalb, 1982. 297 p.

NOBILITY AND OFFICIALS BEFORE AND DURING REFORMS OF THE 60-70S OF THE XIXTH CENTURY: PROBLEMS OF RELATIONSHIPS

Natal'ya Matveevna Seliverstova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of History and Political Science
Russian Chemical-Technological University named after D. I. Mendeleev
nseliverstova@mail.ru

The author considers various aspects of relationships between nobility as the upper class of the Russian Empire and officials during the preparation of peasant reform and post-reform period, analyzes their position in the Russian society social structure in the middle of the XIXth century, their place in the political system of autocracy, the features of bureaucracy perception by landed gentry, discusses the problem of service nobility self-identification, and besides presents major viewpoints on the origins, dynamics, features of relationships between nobility and officials, and the prospects for their development, which existed in the social thought of that era.

Key words and phrases: nobility; officials; enlightened bureaucracy; landed gentry; personal nobility; peasant reform of 1861; class; autocracy.

УДК 069:94(57)

Исторические науки и археология

Статья раскрывает вопросы музеефикации польского мемориального наследия в Забайкалье, ранее не рассматривавшиеся в качестве самостоятельной темы научного исследования. Автор впервые выявляет и классифицирует объекты польского мемориального наследия, связанного с политической ссылкой XIX в. В статье также рассматриваются основные направления актуализации и сохранения объектов польского мемориального наследия на примере Забайкалья.

Ключевые слова и фразы: музеефикация; историко-культурное наследие; польское мемориальное наследие; исторические некрополи; Забайкалье; польская политическая ссылка.

Евгений Владимирович Семенов, к.и.н.

Кафедра музейных технологий и охраны наследия
Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств
sew11@mail.ru

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПОЛЬСКОГО МЕМОРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ[©]

Публикация осуществлена при поддержке фонда «Польские восточные Кресы - наследие и память (Polskie Kresy Wschodnie - Dziedzictwo i Pamięć)».

Историко-культурное наследие, являющееся живым свидетельством прошлого народа и государства, в последние десятилетия сталкивается с большим количеством вызовов, начиная с умышленного уничтожения объектов наследия и заканчивая изменением облика объекта в результате неправильной и непрофессиональной реконструкции.

Вопросами обеспечения сохранности наследия занимается ряд международных и национальных организаций в области культуры. В их число входит ЮНЕСКО, ИКОМ, ИКОМОС и др. Несмотря на значительный объем работ, производимый указанными организациями по выявлению, изучению и популяризации объектов наследия, до сих пор большое количество объектов остается вне поля зрения специалистов.

Во всем мире одним из основных направлений сохранения недвижимого историко-культурного наследия является его актуализация, введение в широкий культурный оборот и включение его в расширяющееся и глобализирующееся культурное пространство.

Широко понимаемая актуализация историко-культурного наследия на практике осуществляется в рамках нескольких основных направлений использования объектов наследия: по первоначальному назначению; по назначению, отличному от первоначального, но не наносящему ущерб ценным качествам объектов; в целях презентации и изучения [9, с. 56]. Особенно активно процессы вовлечения объектов наследия в культурный и экономический оборот проходят в странах Европы. Объекты историко-культурного наследия, являющиеся свидетельствами богатой культуры Европы, в большинстве случаев выступают в качестве привлечения широкого потока туристов. Примеров активного включения объектов наследия в социальный и экономический оборот много, сюда можно отнести Пражский град, Брюгге, Краковский Вавель и мн. др.

Одним из широко применяемых приемов актуализации наследия является музеефикация. Музеефикация – направление музейной деятельности, заключающееся в преобразовании историко-культурных или природных